

****Глава 22****

В день рождения вдовствующей императрицы Клан Хань гудел от радостного возбуждения. Почти все готовились к пышному дворцовому пиру с нескрываемым восторгом. И лишь двое оставались безучастны к общей суете — Хан Сиэнь и Хан Минчжу.

Хан Сиэнь хмурился при одной мысли о том, что, едва переступив порог дворца, ему придется без конца падать ниц. Как человеку, выросшему в совершенно иную эпоху, эта покорность была ему глубоко противна. Хан Минчжу же томила иная тревога: сегодня ей предстояло встретиться с теткой, добродетельной наложницей Хан Юнь.

Старая госпожа Ван мало рассказывала ей о делах минувших дней, но даже по редким, обрывочным фразам можно было понять, как стремительно эта женщина взлетела на самую вершину. И Минчжу готова была голову дать на отсечение: жалкое, бесправное положение Сиэня в Клане Хань напрямую связано с интригами их царственной тетушки.

Но что бы ни готовила ей сегодняшняя встреча, нужно сохранять хладнокровие и держать удар.

Императорский пир должен был начаться лишь в сумерках, когда во дворце зажгут первые фонари. Однако еще засветло члены правящей династии и знатные дамы, удостоенные жалованных грамот, стекались во дворец, чтобы засвидетельствовать почтение виновнице торжества.

Разумеется, предстать перед взором самой могущественной женщины Поднебесной позволялось далеко не каждой. Подобной чести удостаивались лишь титулованные госпожи первого ранга. В Клане Хань сейчас этим званием обладала только старая госпожа. Прежде титул титулованной госпожи первого ранга носила и покойная госпожа Ван, а вот сменившей её во главе дома госпоже Лю — нынешней супруге Хань Чжо — вдовствующая императрица пожаловала лишь второй ранг. Чтобы получить первый, требовалось личное соизволение государя.

Словом, из всех женщин Клана Хань вести родственников во внутренние покои имела право лишь старая госпожа.

Двор в этот день проявлял редкое милосердие: если у прибывших на поклон господ были родственницы в гареме, после аудиенции у вдовствующей императрицы им разрешалось навестить их в сопровождении младшего поколения. Называлось это «утешением в разлуке и разделением семейного тепла».

Для многих семей это был редчайший шанс показать молодежь царственным особам и укрепить связи при дворе. Разумеется, в Клане Хань упустить такую возможность никто не

желал.

Глядя на оживленные, сияющие лица родни, Хань Сиэнь чувствовал лишь глухое раздражение. Ему предстояло войти в самое сердце жестокой империи — туда, где на вершине золотой пирамиды восседали люди, способные одним небрежным словом даровать жизнь или обречь на смерть.

Сиэню было плевать на собственное выживание, но сама мысль о том, что его судьба может зависеть от чьей-то прихоти, претила его существу.

А если добавить к этому неизбежную необходимость падать ниц при каждом удобном случае... Что ж, сегодняшнее испытание обещало стать для него пыткой.

На сей раз законная дочь третьей ветви, Хан Цинюань, занемогла и осталась дома, поэтому старая госпожа решила взять с собой Хэ Юйчжу.

Запястье девушки еще не срослось, но чтобы не нарушать придворный этикет нелепым видом, лубок с её руки сняли.

Эту идею, разумеется, подала её мать, Хан Сю. Она твердила, что упускать столь блестящий шанс показать дочь во дворце — безумие. А дощечки? Что дощечки, Юйчжу вернется домой, и лекарь привяжет их обратно. Часом раньше, часом позже — какая разница?

Госпожа Чжан из второй ветви лишь молча презирала Хан Сю за это дешевое тщеславие, но раз уж старая госпожа дала добро, возражать не смела. К тому же её несказанно радовало, что госпожа Вэнь из третьей ветви из-за этого маневра осталась в дураках. И как только у Вэнь хватало сил натянуто улыбаться в лицо Хань Сю?

«Да она её в душе сожрать готова без соли», — злорадствовала про себя госпожа Чжан.

Впрочем, какие бы бури ни бушевали в сердцах невесток, на людях они по-прежнему расточали друг другу медовые улыбки, изображая нежнейшее родственное согласие.

Вскоре экипажи Поместья герцога Хань тронулись в путь.

Очередность въезда во дворец строго регламентировалась. Поместье герцога Хань, чей титул первого ранга наследовался без понижения ранга со времен основателя династии, занимало исключительное положение. А поскольку старая госпожа обладала титулом госпожи первого ранга, а их родственница занимала высокое положение в гареме, кареты их семьи двигались в самом начале процессии, уступая дорогу лишь членам императорского дома.

За долгие века эти стены видели смену сотен династий и смерть бесчисленного множества людей. Едва Хань Сиэнь ступил за ворота, как его плотным кольцом обступили ледяные,

удушливые волны чужого отчаяния.

Толпа медленно продвигалась вперед. Сиэнь невольно улавливал обрывки чужих мыслей — испуганных, завистливых, лицемерных. Этот нестройный ментальный гул болезненно резонировал с застарелым ужасом, навеки впитавшимся в дворцовые камни. Хань Сиэня душила ярость.

Он стоял, бледный и осунувшийся, окутанный невидимым облаком глухого гнева. Терпение таяло с каждой секундой.

Шумно выдохнув, Сиэнь попытался закрыть разум, усыпить обострившиеся чувства и погрузиться в спасительную пустоту. Но даже сквозь этот ментальный барьер пробивались давящая серость, оцепенение и отчетливый, застарелый запах запекшейся крови.

Интуиция подсказывала ему: сегодня его маска благовоспитанного юноши окончательно треснет.

Заметив, что Сиэнь идет насупившись, с мрачным и измученным лицом, стоявший рядом Хан Юэвэнь решил, что кузен просто робеет перед величием дворца.

Поддавшись внезапному порыву, он слегка ткнул Сиэня локтем в бок и зашептал:

— Да ты не бойся. Вдовствующая императрица и Императрица очень добрые. Я когда первый раз сюда попал, от страха все правила приличия позабыл и разревелся. Так матушка-императрица меня сама утешала, еще и сладкими рисовыми пирожками угостила!

Хань Сиэнь медленно повернул голову. Его взгляд, холодный и пустой, заставил Юэвэня осесть. Молодому человеку показалось, будто на него посмотрели как на круглого идиота.

Сглотнув обиду, Юэвэнь тихонько отступил на пару шагов.

«Вот же дурак, — мысленно обругал он себя. — И надо же было так глупо подставиться под его презрение!»

Хан Юэчжун и Хан Юэцин, ставшие свидетелями этой немой сцены, переглянулись и беззвучно усмехнулись.

Наконец пришел черед Клана Хань войти в зал Дворца Величественного Феникса. Повинуясь ритуалу, все они, ведомые старой госпожой, послушно опустились на колени.

Все, кроме Хан Сиэня.

Он остался стоять — нелепый, вызывающе прямой, сурово насупив брови. Его взгляд намертво прикипел к узорчатой ширме за тронем вдовствующей императрицы. По бледному лбу крупными каплями катился пот, словно там, в полумраке за ширмой, притаилось нечто чудовищное. Изнуренный вид юноши в сочетании с выражением дикого, почти осязаемого ужаса на лице выдавали крайнюю степень потрясения. Казалось, он вот-вот лишится чувств.

Вдовствующая императрица величественно восседала на возвышении, окруженная Императрицей и наложницами, которые наперебой развлекали её светскими разговорами.

При виде столь дерзкого нарушения приличий смех и шепот в зале мгновенно стихли. Наложницы недоуменно хмурились. Поведение Сиэня казалось им безумием, а в мыслях зрело глухое раздражение: что за больного юродивого притащил Клан Хань на столь важный прием?

Некоторые из дам, посмелее, испуганно переглядывались. По залу пополз беззвучный шепоток:

«У него лицо такое, будто он мертвеца увидел. Старые люди говорят, что калеки и чахоточные зрят невидимое... Неужто он разглядел за ширмой то, чего нам видеть не дано?»

К удивлению присутствующих, владычица Поднебесной не разгневалась на столь вопиющее святотатство. Велев семье Хань подняться с колен, она проявила неожиданное великодушие и приказала слугам бережно усадить изможденного юношу на стул.

Заметив, что, оказавшись на сиденье, Сиэнь немного пришел в себя, а краска вернулась к его щекам, вдовствующая императрица милостиво обратилась к старой госпоже. Она взяла старуху за руку и завела душевную беседу: хвалила её за то, что та воспитала прекрасную дочь, подарившую престолу достойных наследников, ласково журила за невнимание к собственному преклонному возрасту и советовала беречь силы.

Растроганная до глубины души старая госпожа Хань то и дело утирала слезы рукавом, без конца кланялась и благодарила великую женщину за заботу.

Вдовствующая императрица лично помогла ей подняться, усадила рядом с собой и, обведя мягким взглядом стоявших поодаль молодых людей, спросила:

— Слышала я, будто Наследник Поместья герцога Хань наконец пошел на поправку. Ну-ка, пусть подойдет поближе, дай мне взглянуть на него.

Подавив рвущийся наружу вздох раздражения, Сиэнь шагнул вперед. Но и теперь он не склонил колен — просто застыл перед тронем, с бесстрастным лицом принимая изучающий взгляд правительницы. В глазах придворных такое поведение граничило с откровенным высокомерием.

Старая госпожа Хань впилась в него яростным, предостерегающим взглядом. Стоявшие позади родственники готовы были сами броситься вперед, чтобы перебить упрямцу ноги и силой заставить его пасть ниц.

В повисшей тишине раздался тихий, язвительный смешок.

Женщина, восседавшая по левую руку от вдовствующей императрицы, кокетливо прикрыла рот ладонью. На ней было роскошное платье из роз-красного шелка, выгодно оттенявшее белизну ее безупречной кожи. Ослепительно красивая, она с притворной мягкостью перевела взгляд на побледневшую наложницу Хань Юнь и пропела:

— Матушка, похоже, Наследник Поместья герцога Хань нечасто удостоивается чести бывать во дворце. Манеры его... оставляют желать лучшего. Не худо бы приставить к нему строгого наставника, пока он окончательно не опозорил имя сестрицы Юнь.

Эта дама — благородная супруга Ши — приходилась вдовствующей императрице родной племянницей и пользовалась при дворе безграничным влиянием.

— Ваше величество правы, — сухо отозвался Сиэнь, даже не поведя бровью. — Я долгие годы провел в постели, книг почти не читал, оттого и в правилах этикета не силен.

Лицо благородной супруги Ши мгновенно потемнело от гнева. Она повысила голос:

— Если наследник так слаб здоровьем, ему следовало оставаться в своей постели! Сегодня великий день для вдовствующей императрицы, а ты явился во дворец чахоточным покойником. Не боишься навлечь на её величество хворь?

Сиэнь спокойно поднял на нее глаза:

— Слова вашей милости лишены смысла. Лекарь Чжоу осматривает меня каждые три дня. Он бы никогда не позволил мне явиться на торжество, будь я по-прежнему болен. Но даже мне, человеку неграмотному, известно, что вдовствующая императрица — великая владычица, хранимая священным духом покойного государя. Как же вы, ваше величество, в столь радостный день смеете пророчить ей болезни? Разве это не чистой воды святотатство и неуважение к императорскому дому?

В стенах дворца, где воля благородной супруги была непререкаемым законом, никто прежде не смел возражать ей столь дерзко. На мгновение женщина лишилась дара речи от растерянности.

Когда же до нее дошел весь скрытый смысл обвинения — обвинения, которое могло стоить ей положения, — она в панике бросилась к ногам вдовствующей императрицы. Заливаясь слезами, она принялась уверять, что этот наглый юнец извратил её слова, оскорбил величие

трона и заслуживает немедленной казни.

Разумеется, затевать расправу в праздничный день вдовствующая императрица не стала. Однако её благодушное настроение как рукой сняло. Она медленно отпустила руку старой госпожи Хань, а лицо её сделалось холодным и безучастным.

Переведя равнодушный взгляд на наложницу Хань Юнь, сидевшую с застывшей, вымученной улыбкой, правительница небрежно бросила:

— Добродетельная наложница Хан Юнь. Это твои родственники. Вы давно не виделись, так ступайте же в свои покои и побеседуйте как следует. Не смею вас более задерживать.

Придворные прекрасно знали язык намеков. В столь торжественный день подобные слова из уст вдовствующей императрицы были равносильны пощечине. Лицо Хан Юнь смешали с грязью на глазах у всего гарема.

Под ядовитыми, насмешливыми взглядами соперниц наложница поднялась со своего места. Сгорая от стыда, она низко поклонилась, прося прощения, и поспешно повела родственников прочь из зала.

Гнев душила Хан Юнь. За всю свою жизнь во дворце она не испытывала подобного унижения. Представляя, какими издевками осыплют её завтра другие наложницы, она готова была собственноручно задушить Хань Сиэня.

Остальные члены Клана Хань испуганно косились на юношу, не понимая, какая муха его укусила. Оскорбить саму вдовствующую императрицу! Он что, жить надоело? Но почему из-за его безумия должны страдать они?

Дрожа от ярости, Хан Юнь дошла до ворот своего Дворца Вечного Доверия. Оказавшись на собственной территории, она вновь обрела уверенность. Резко развернувшись, наложница ожгла Сиэня ледяным взглядом:

— Если тебя не научили манерам дома, я найду тех, кто сделает это здесь. Немедленно опустишься на колени прямо тут, перед воротами моего дворца, и стой, пока не уяснишь правила приличия! Запомни раз и навсегда: это императорские чертоги, а не задний двор твоего захолустного Герцогского поместья. Здесь ты резвиться не будешь.

Для Сиэня, исходившего холодным потом от невыносимой головной боли и удушливого запаха крови, стоявшего в воздухе, эти слова стали последней каплей. Остатки его терпения сгорели без следа.

Он прямо посмотрел в глаза разгневанной тетки и негромко, но отчетливо произнес всего одно слово:

— Идиотка.

<http://bllate.org/book/20088/2001983>